

«Я — до жестокости искренняя...» Ингрид БЕРГМАН

ОБЪЕКТЫ РАБОТЫ
Может
6 ИЮН 1961

Три премии «Оскар», четверо детей, а теперь болезни и множество внучат... Перешагнув за черту шестидесяти лет, известная шведская киноактриса Ингрид Бергман ошутила необходимость рассказать о себе читателям. И вот три года назад раз или два в неделю она стала уединяться в своем лондонском доме вместе с другим писателем Аланом Бурджесом и в длинных беседах рассказывать о жизни. Результатом явилась книга «Моя история». В ней почти 500 страниц. Половина из них написана от третьего лица Бурджесом. Другая половина — от первого лица — принадлежит самой Ингрид.

Постепенно, шаг за шагом, за обликом мировой кинозвезды, отвернувшейся от Голливуда, чтобы последовать за гениальным, но своенравным режиссером Роберто Росселлини, и повергшей всех в изумление своим поступком, перед нами предстает совсем другая женщина: неуверенная, колеблющаяся, нервная, немного пуританка в личной жизни. «У меня два недостат-

ка: я всегда искренна и обладаю большим чувством юмора», — говорит она с легким оттенком кокетства.

Чувствуя силу этих недостатков, Ингрид Бергман почти полвека триумфально шествовала по экранам мира, а теперь, с их же помощью, поведала о своей истории и об истории кино с обезоруживающей искренностью по отношению к себе и другим.

Человек крайне собранный и аккуратный, Ингрид Бергман выверила каждое воспоминание и извлекла из своего личного архива неизвестные письма своих вчерашних друзей, таких знаменитых, как писатель Эрнест Хемингуэй. «Он был прекрасным другом и великой личностью, — вспоминает Ингрид. — Но я бы никогда не пожелала стать его женой. Он был слишком полон собой». В интервью для итальянского журнала «Панорама» Ингрид Бергман рассказала о себе и об истории кино. Предлагаем вниманию читателей его сокращенный перевод.

— Пробовали перечитать эту вашу книгу?

— Да, да, перечитала ее и наша чересчур длинная, хотя и без того уже порядком сократила. Раньше, заходя в книжные магазины и видя на полках бесчисленные биографии актеров, которые всегда говорили «я... я... я...», спрашивала себя: ну разве они не надоедают людям?

— А о ком из своих коллег вы думали в такие минуты?

— Э, нет, я не скажу вам, вы хотите поймать меня в ловушку... Хотя я уже попала в нее, написав свою биографию, которая теперь выставлена напоказ в витринах книжных магазинов. Но по крайней мере часто обхожусь без «я...» и надеюсь, что книга эта занимательная.

— Вы пробыли в Голливуде десять лет...

— Я ни о чем не жалею... Но все равно говорю, что Голливуд был для меня чем-то вроде тюрьмы: все время одни и те же лица, в съемочном павильоне и за его пределами. Даже статисты никогда не менялись. Передевались костюмы, а люди были все те же. Да и сами съемки действовали порой угнетающе. Все и всегда было вымерено, подчинялось твердым и точным правилам. В то время профсоюзы уже были сильны, и каждый человек имел свои раз и навсегда определенные обязанности; нельзя было ни на йоту отступить от них. Ответственный за реквизит, например, вносил лампу, но не имел права включить штепсель в розетку... и иногда приходилось ждать полчаса, потому что тот, кто мог это сделать, сидел где-нибудь в баре и пил кофе. Помню, что в «Жанне д'Арк» моя костюмерша испытывала адовы муки, повсюду перевозы за мной тележку, доверху нагруженную моими тяжеловесными доспехами. Однажды я обратилась к проходившему мимо молодому человеку: «Не могли бы вы помочь ей?» На что он ответил: «Не могу, если я притронуся к ее тележке и об этом узнает профсоюз, я пропаду». Как подумаешь о времени, потерянном на подобные глупости...

— Тогда, наверное, и сами съемки были другими...

— Да, сегодня съемки проходят и на улицах, если надо снять фильм об Африке, берется необходимое снаряжение и труппа выезжает на место. В Голливуде, напротив, все создавалось в павильоне, любую необходимую обстановку делали на месте, никто и не помышлял отправиться на природу.

— ...Вы сумели пробить в Голливуде дорогу своей любимой героине Жанне д'Арк...

— Шесть лет я упорно и мучительно работала над воплощением этой роли. Жанна всегда была моей страстью. Я прочла о ней все, изучала документы, собрала книги, ездила в Париж, чтобы посмотреть на ее статуи и места, где она бывала. И так же, как сегодня молодые люди хотят играть «Амлета», я хотела играть Жанну д'Арк.

— Она, очевидно, привлекала вас своей беззаветной преданностью выбранному делу?

— Это было восхищение честной, сильной и мужественной девушкой, остававшейся такой до самой смерти. Ей было проще умереть, чем отречься от самой себя.

— Женщина, которая так и не согнулась. Вы, возможно, в какой-то степени обретали себя в ней.

— Сейчас я стала гораздо менее твердой и чуть податливее, чем прежде, хотя и не научилась еще быть дипломатичной.

— И все же вы утверждаете, что всегда были необычайно застенчивы...

— Я и сейчас застенчива. Но только в личной жизни. За пределами съемочной площадки или сцены я становлюсь другим человеком. У всех прошу помощи: приобрести билет на поезд, пойти со мной в театр, купить газету. Всег-

да чувствую себя неуверенно и немного нервничаю. Даже сейчас мне страшно войти в ресторан, и я не иду танцевать, потому что все смотрят на меня и мне становится неловко.

— И вы по-прежнему краснеете, как случалось с вами в молодости?

— Да..., не знаю, может быть.

— А на сцене?

— Там все по-другому, я надеваю маску и перестаю быть собой. Я — персонаж. Так было с самого первого дня, когда я вошла в здание Королевской академии драматического искусства в Стокгольме. Раньше я была очень робкой, слишком высокой и худой девушкой, самой себе казалась некрасивой, почти не разговаривала. Потом все изменилось, и я стала очень уверенной. По крайней мере в том, что касается работы, ни один режиссер не способен навязать мне свое решение мизансцены, если я не разделяю его.

— А не кажется ли вам, что режисерам приходилось с вами нелегко?

— Перечитывая книгу, я действительно заметила, что иногда могла бы быть и помячей.

— Да и с Бергманом, с которым вы еще недавно работали над «Осенней симфонией», вы были не очень-то нежны.

— С ним я спорила больше, чем с другими. Он приехал за мной в аэропорт, и я сразу вспыхнула, выложила ему все, что мне не нравилось в сценарии. А потом, когда заметила его растерянность, то оstanовилась и выпалила: «Прежде чем мы начнем работать, я думаю, тебе следует знать, что я — до жестокости искренняя женщина. Я говорю все, что думаю, и вся беда в том, что сначала говорю, а потом думаю».

— И ваши слова подействовали?

— На него да, но для других членов съемочной группы, которые видели, как плохо обходятся с Бергманом, и не знали о моем маленьком секрете, это было настоящей трагедией. Лив Ульман буквально цепенела от ужаса. Только потом, когда мы подружились, она рассказала мне, что на первой встрече со всеми актерами, увидев, как я по своему обыкновению спокойно говорила о том, что меня не устраивало, она вышла из комнаты и залилась слезами, думая: «Этот фильм никогда не будет снят, Ингмар не привык, когда другие высказывают ему в лицо все недостатки».

— Вам нравятся красивые сказки наподобие «Звездных войн»?

— Они годятся только для детей!

— Если бы вам пришлось сегодня заново начинать карьеру актрисы...?

— Вероятно, я осталась бы без работы. Сейчас в прокате нет фильмов, отвечающих моим вкусам.

— Даже если хорошенько подумать?

— Нет, нет, сколько бы я ни думала, мне не приходит на ум ни одной роли из-за которой я сгорала бы от зависти.

— А с каким режиссером вы бы хотели работать?

— Я очень сожалела, что мне так и не пришлось сотрудничать с Висконти, который приглашал меня сняться в своей картине «Чувство». А потом я всегда говорила, что с удовольствием поработала бы с Феллини и Трюффо. Хотелось бы также сделать еще один фильм с Бергманом.

— Но ведь Бергман предлагал вам роль в своей новой работе для телевидения?

— Да, но мне придется отказаться от нее. Фильм очень длинный, он идет шесть часов, да и сама роль не подходит для меня.

— Вы — актриса, жена и мать, и все-таки остаетесь эмансипированной женщиной. Что вы думаете о феминизме?

— Я думаю так: если женщина выполняет одинаковую с мужчиной работу, то и платить ей надо ровно столько же.

Перевод с итальянского
П. КОЗЛОВА.